

Фесс

Цветные границы

Фесс

Цветные грани

«Автор»

2026

Фесс

Цветные грани / Фесс — «Автор», 2026

В мире, где судьба человека решается Отбором, а кристаллы дороже жизнью, нет правильного пути. Благословленные связью, получившие от рождения силу кристаллов никогда не поймут диссонантов - изгоев без власти над камнями. Мрачная история, полная драмы, неожиданных поворотов и антиутопичных пейзажей, где любовь идёт рука об руку со смертью. Обретите надежду!

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ	7
***	12
***	14
Глава 2	17
ПРИЗВАНИЕ	17
***	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Фесс

Цветные грани

ПРОЛОГ

*"Человечество не знает врага
страшнее, чем оно само.
Мы сотворили себе ад на земле -
и назвали его цивилизацией."
- Умберто Эко*

На Ордонис опускалась ночь, и на чердаке было мрачно и зябко. Подлокотники старого, потертого дивана внушительным слоем устилала грязь, намешанная из пыли и влаги, временами капавшей с давно прохудившегося потолка; пробирающийся до костей сквозняк лениво колыхал обрывки занавесок. Прогнивший деревянный стол без одной ножки кренился от каждого дуновения, каждое мгновение рискуя отправиться в недолгое бесславное падение. Стены терялись во мраке, и темная комнатуха казалась больше, чем была на самом деле. Снаружи тихо шипела на шифере мелкая морось, знакомая и неприятная для каждого, кого хоть раз заставала на улице без зонта. Среди сырости, старого хлама и размокших коробок только одно было неестественным. В холодный воздух посреди комнаты рваным ритмом поднимались маленькие облачка белого пара, как дым от костра в поле, явно выдавая жизнь.

И жизнью этой безраздельно владел страх. Стараясь дышать не громче дождя, а двигаться и того тише, по засаленному ковру медленно полз на четвереньках худощавый юноша. Умудрившись не задеть кучки тут и там валяющихся вещей, он добрался до угла, что напротив чердачной лестницы, у самого окна, и тяжело привалился спиной к осыпавшейся штукатурке. Правой рукой он зажимал глубокий, от плеча почти до локтя, порез на левой, из которого медленно сочилась темная кровь. Оглядевшись, парень подтянул к себе грязную тряпку, бывшую, похоже, когда-то наволочкой, встряхнул - комки пыли с парой засохших муравьев полетели на пол - несколько раз обернул вокруг раны и затянул узел.

Глаза юноши забегали по комнате, не останавливаясь ни на чем надолго, пока он не убедился в относительной безопасности своего укрытия. По всему городу найдутся сотни подобных чердаков и других укромных местечек, где его могут искать.

— М-да, Уилл, умеешь ты найти себе приключений на задницу! - тихо пробормотал он себе под нос. Рука скользнула во внутренний карман потрепанной жилетки, нащупала холодный металл на шнурке. Парень вытянул серо-зеленый кулон овальной формы - маленький красный камушек сбоку тускло блеснул во мраке; ещё раз стрельнул глазами по сторонам и подцепил потайную защёлку обломанным грязным ногтем. Верхняя часть безделушки откинулась, и комната слегка осветилась мягким, чуть пульсирующим светом. Уилл поспешно прикрыл кулон ладонью, но оставил небольшую щель, чтобы разглядеть добычу.

Он замороженно глядел на тоненький осколок будто бы кварца или стекла, изредка вспоминая вдохнуть. Осколок переливался всеми красками, которые когда-либо знал этот мир, и казался Уиллу чем-то неземным и до одури странным.

МТихий скрип лестницы на чердак мгновенно бросил юношу в холодный пот, Уилл поспешно вернул крышку на место и в ужасе зажал кулон в дрожащем кулаке.

Отвыкшие от темноты, безумные от страха глаза уперли взгляд в перила, выглядывающие напротив... Но секунды медленно текли одна за одной, а скрип все не повторялся.

Уилл позволил себе тихонько вздохнуть, обмяк у стены и прикрыл глаза.

Что ж, пронесло... Снова. Надо придумать, как проташиться через полгорода до исхода ночи и не попасться, а иначе лучшее, на что он мог надеяться - что его тело, изодранное до неузнаваемости, утром выловят в порту.

Дождь убаюкивал, предлагал полежать ещё немного, набраться сил для следующего броска, капнул пару раз откуда-то сверху прямо на запятнанную кровью рубаху, где-то над головой тихо зазвучал гром, напоминая утробное звериное рычание...

Волосы Уилла встали дыбом, дыхание сперло, глаза распахнулись. Юноша поднял взгляд к потолку. То, что предстало перед его глазами, не было капризом природы.

Изломанные, вывернутые под неестественными углами когтистые конечности обхватили стропила, кожа, покрытая волдырями и струпьями, клочки грязных, спутанных волос, без системы и явного умысла раскиданные по костлявому телу. Из разверстой клыкастой пасти на плечо Уилла упала капля слюны; большие, светящиеся во мраке жёлтые глаза с узкими зрачками с секунду хищно и торжественно впивались в парня. Тварь завывла и прыгнула на Уилла.

На Ордонис опускалась ночь, и дождь заглушил отчаянный предсмертный крик.

Глава 1

ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

– Подъем! – из дверного проема раздался строгий женский голос, – Сегодня очень важный день для всех нас, дочь моя, и тебе ни в коем случае не дозволено прохладиться. Ты должна быть на Отборе ровно в полдень!

Из-под пухового одеяла, сбитого в кучу, свисала с кровати небольшая ножка. В ответ на крик пальцы на ноге чуть дернулись, и ступня проворно скользнула обратно под теплую защиту, будто бы в постели и не было ничего, кроме большого и мягкого покрывала. Кажется, маленький обитатель этого убежища надеялся, что суровая матушка, вечно раздувающая драму из любой мелочи, поворчит немного и откажется от поисков так хитро и надежно спрятавшейся дочери.

– Эсферрия Гладстоун, не заставляй меня принимать меры! Немедленно поднимайся и приведи себя в порядок, милочка, – угрожающе прошипела матушка.

Что ж, похоже, в этот раз никаких хитростей, даже самых гениальных, не хватит, чтобы отвадить Сильвию Гладстоун - невысокую женщину, минуту назад распахнувшую настезь дверь в комнату. Ее русые волосы были стянуты в тугий пучок на затылке, строгое темно-синее платье было идеально выглаженным и безукоризненно чистым, а черные туфли-лодочки идеально начищены. Единственной уступкой исключительной строгости и скромности были маленькая золотая брошь в виде головы оленя с желтыми кристаллами вместо глаз, давным-давно подаренная законным мужем к свадьбе и золотое же кольцо на безымянном пальце.

И сейчас это живое воплощение добродетели и аристократического достоинства никак не хотело дать Ферро поспать еще хоть чуть-чуть. Когда Сильвия Гладстоун называет тебя полным именем, ты либо подчиняешься, либо сталкиваешься со страшными последствиями. Одеяло зашевелилось, из-под него раздалось нечленораздельное мычание.

– Поторопись, Эсферрия! Завтрак подадут через пятнадцать минут, и твой отец будет крайне недоволен, если ты опоздаешь к столу, – уже менее строго, но все еще решительно проговорила Сильвия и закрыла дверь. Приглушенные вниз шаги по лестнице сообщили, что отпущенное время пошло.

Ферро откинула одеяло до пояса и устала в потолок. На фоне аккуратно вытесанных, добротных деревянных перекрытий и полупрозрачного лилового балдахина в воздухе висели, покачиваясь, мельчайшие частички пыли, освещенные лучами утреннего солнца.

Девушка села в кровати, повернула голову к окну. В синем безоблачном небе проворно порхали, весело чирикают, маленькие птички, возвещавшие прекрасное утро нового дня. До ушей Ферро донеслись звуки музыки с площади под окнами - и, похоже, играли уже давно. Ферро пожала плечами - она всегда любила поспать, и разбудить ее было не самой простой задачей. В носу засвербило, сдержаться было выше любых сил, и Ферро от души чихнула, спугнув изумрудную стрекозу, севшую на подоконник.

Подставив веснушчатое лицо солнцу и теплему ветерку, она зажмурилась и сладко потянулась.

– И-и-и-эх-х-х, ну вот, уже и вздремнуть нормально в этом доме нельзя! – улыбнувшись и широко раскрыв ярко зеленые глаза, Ферро сбросила одеяло, вскочила с кровати и подтянула ночную рубашку, сползшую с плеча. Проигнорировав мирно стоявшие у письменного стола пушистые тапочки, она босыми ногами прошлепала к двери. Юная девушка коснулась дверной ручки, оглянулась напоследок; все было в порядке, как она и оставила с вечера... А вернее сказать - в жутком беспорядке, какой может быть только в комнате у пятнадцатилетнего под-

ростка: на столе кучей лежали книги, различные вещицы раскиданы по углам, стены увешаны рисунками еще не виданных миром животных и предметов, а посреди комнаты стояла куча одежды, наваленной так плотно, что под ней можно было только угадать деревянный стул со спинкой.

– Пока, любимая комнатка, вернусь вечером... Но уже немного другой, – и, провернув ручку, толкнула дверь.

– Ой! – воскликнул кто-то с другой стороны, когда открывающаяся дверь влетела во что-то мягкое, – Доброе утро, юная госпожа! А я уже решила заглянуть к Вам, убедиться, что вы не проспите сегодняшний день, не то Ваша маменька... В смысле - госпожа Гладстоун была бы в жутком расположении духа.

– Доброе утро, Марта! – потирая глаза, Ферро от души улыбнулась при виде своей гувернантки - слегка полной немолодой женщины, одетой в белый фартук поверх чуть подвыцветшего, но чистого желтого сарафана и серый чепчик на седеющей голове. – Прости, что стукнула. Моя одежда уже готова?

Морщинки на лице служанки слегка углубились от улыбки, добрые темные глаза с теплом глядели на заспанную девушку:

– А как же! Ваш наряд постиран, выглажен и висит в туалетной комнате, как и велела Ваша матушка, юная госпожа. Ох и непросто было его выудить из той прорвы одежды, которую Ваша светлость разместила на полу! – с притворным укором проговорила Марта, – Сегодня Вам должно быть умницей и красавицей, и так оно и будет, я уверена. Что же до меня, то скромная домработница может лишь пожелать удачи юной госпоже... Ах, что же это я? Поторопитесь, леди, иначе опоздаете к завтраку, и господин Гладстоун будет недоволен. Мы ведь не хотим его сердить, верно? – гувернантка хитро подмигнула, прекрасно зная, что Ферро находит своего отца очень забавным в гневе, и не без причины.

– Да-да, разумеется, не хотим... — Ферро чуть помедлила, а затем вдруг подалась вперед и заключила ту в объятия, – Марта... Мне немного страшно. А что, если загорится синий? Я не хочу быть воином или строителем!

Марта в ответ прижала девочку к себе: – Не волнуйтесь, леди Эсферрия, нет причин бояться. Ваш род - потомственные Мыслители вот уже четыре поколения. Почему бы династии менять цвет именно на Вас?

– Наверное ты права... Спасибо тебе! – Ферро действительно стало немного легче на душе: Марта с самых пеленок умела утешить девочку, – Я побегу умываться, не то грозный лорд Гладстоун собственной персоной, самолично поднимется сюда и покарает нас всех! – И, хихикая удачной колкости, Ферро направила свои босые ноги в туалетную комнату.

Там девочку встретили несколько полотенец, трехногий деревянный табурет, дубовая бадья для умывания, до половины наполненная колодезной водой, и массивный туалетный столик темного дуба, на котором ровными рядами были разложены принадлежности, которым юная госпожа, к вящему недовольству матери, питала не слишком теплые чувства. Гребни, флаконы с духами, румяна и всевозможные пудры казались Ферро не предметами гигиены, а инструментами маскировки, за которыми люди пытаются скрыть не самые лучшие свои стороны. Но гордостью ее матери, госпожи Гладстоун, в этой комнате всегда было большое массивное зеркало в позолоченной деревянной оправе, занимавшее треть стены и, как казалось девочке, весившее целую тонну.

Плеснув несколько раз в лицо ледяной водой из бадьи, Ферро взглянула в зеркало, не ожидая увидеть ничего нового.

Капли влаги стекали по не слишком загорелому лицу, покрытому веснушками, окружавшими небольшой, слегка вздернутый носик. Под ним - красиво очерченная линия губ, заканчивающихся точеным подбородком. Взлохмаченная ото сна копна волос цвета меди вьющимися локонами опускалась чуть ниже плеч. Все это дополняли большие зеленые глаза, цвет кото-

рых часто привлекал внимание окружающих, и которые почти всегда горели озорным любопытством. Все это юное очарование держалось на тонкой нежной шее, переходящей в еще юношески стройное и гибкое, почти худощавое тело.

Ферро улыбнулась своему отражению: уголок одного из передних зубов был слегка сколот. Тогда у Эсферрии только-только отросли коренные зубы, и, слоняясь по рощице у родного поместья, она заметила лягушку, скакавшую по узенькому, с ленточку для волос, каменистому ручью. Увлеченная движениями животного, скакавшего с берега на берег через сверкающий поток, девочка последовала за малюткой, поскользнулась и больно стукнулась о гальку на берегу ручья. Губы и щека быстро зажили без следа, а вот отбитый кусочек зуба привел мамушку Сильвию в бешенство.

Быстро натянув лежавшее на табурете темно-зеленое свободное платье, Ферро одернула подол на коленях, пару раз дернула гребнем волосы, придав им хоть сколько-нибудь сносный вид, и выскочила из комнаты.

Протопала по крутой деревянной лестнице вниз и ускоряясь с каждой ступенькой, чувствуя безумно аппетитные запахи, доносившиеся с кухни. В конце лестницы она уже почти бежала, и инерция понесла ее прямо к трапезной. Влетев в комнату, Ферро наконец замедлилась и остановилась неподалеку от стола, где уже было накрыто на четверых.

Во главе стола из ольхи, искусно покрашенной под красное дерево, чинно восседала мамушка Сильвия, а по левую сторону от нее руки с тонкими длинными пальцами держали газету, а поверху тянулся сладковатый дымок из трубки. Отец Ферро сидел во главе стола только в присутствии гостей, когда семье было необходимо показать лорда Генри Гладстоуна суровым, но справедливым и авторитетным отцом семейства, создавая репутацию образца мужества и достойного кормильца. В остальное же время, когда посторонних глаз не было, одного взгляда было достаточно, чтобы понять, кто на самом деле является главой семьи. Испещренная печатными строками бумага чуть опустилась:

– Ты представляешь, дорогая, эти гадкие радикалы снова попытались саботировать работу очистного цеха! Это можно расценить только как террористический акт, – высокий даже сидя, тщедушный мужчина с проплешиной на голове возмущенно встряхнул почти отсутствующим подбородком. Очки с искусно вставленными полупрозрачными оранжевыми камушками яростно блеснули, – Более того, части этих помойных крыс еще и удалось скрыться! А ведь это именно мы даем им работу, еду, крышу над головой, они фактически на иждивении у нашего государства, хоть и пользы от них в наше прогрессивное время не так уж и много. Сотню раз им говорили, нет, тысячу: не кусайте руку кормящую!

Высокий голос отца семейства дребезжал от возмущения, временами срываясь на фальцет, жидкая светлая поросль дрожала под нижней губой.

– Да, Генри, это просто возмутительно. Сейчас будем завтракать, отложи, пожалуйста, газету. – Сильвия, морщась, массировала виски костяшками пальцев. Законная супруга на дух не переносила трубку мужа, а в купе с его визгливым ворчанием это вызывало у нее мигрени.

– Но ведь я еще не дочитал колон... – начал было лорд Гладстоун, однако запнулся на полуслове, поймав недовольный взгляд Сильвии, и послушно отложил газету на столик неподалеку.

Марта еще хлопотала вокруг, старательно игнорируя семейную сцену, будто ничего не происходит, подносила и аккуратно раскладывала на столе ломти свежее испеченного хлеба, от аромата которого у Ферро громко забурчало в животе. Супруги наконец сообразовали обратиться на нее внимание.

– О, а вот и моя прекрасная дочурка! – Генри был явно рад тому, что можно сменить тему, – Ну как, Ферро, готова к знаменательному событию? Ты сегодня станешь полноправным членом нашего общества и, я надеюсь,полнишь наш славный клан Мыслителей. Это

большая ответственность и, несомненно, большая честь. Как насчет отметить в парке, когда все закончится?

– Доброе утро, пап. Ты знаешь, если честно, я... – начала было Ферро, однако Сильвия мгновенно перехватила инициативу:

– Генри, не стоит баловать ее, она уже не ребенок, в конце-то концов! Через неделю этой юной леди уже шестнадцать лет. В мои шестнадцать меня уже выдали замуж, а ты с ней все носишься. И сколько раз повторять, не зови ее Ферро - ее имя Эсферрия. Нечего разбрасываться кличками, как портовые грузчики.

– Кхем... Ну... Так ведь у нас ещё целая неделя! – попытался разрядить обстановку Генри, – Ферро, ты чудно выглядишь, душечка. Не переживай, Отбор - всего лишь формальность, хоть и предписанная по закону. Это не займет много времени, зато откроет перед тобой многие пути и привилегии, доступные не всем. А теперь предлагаю вкусить от щедрот завтрака, любезно приготовленного Мартой. Не знаю как вы, а я смертельно голоден.

– О, да, умираю с голоду! – Ферро торопливо отодвинула стул, села и вплотную приблизилась к столу, скрипнув ножками по полу, затем окинула взглядом стол. На лакированной поверхности были расставлены тарелки с закусками и сладким, а перед ней и остальными лежало по большой плоской тарелке, на которой исходила паром свежезажаренная глазунья с жидким желтком - именно так, как больше всего любила Ферро. На внушительной площади тарелки компанию яйцам составляли пара длинных сосисок со следами от сковороды и фасоль в густом томатном соусе. И наконец, дополняла сие великолепие небольшая горка жаренных грибов, набранных в роще возле поместья. Стакан был наполнен каким-то напитком, который Эсферрия не узнавала на вид. Она поднесла сосуд к лицу, принялась - ее глаза расширились от удивления.

– Надо же, как быстро заметила! В такой волнительный день немного можно, твоя мать права - ты и правда уже большая девочка, – подмигнул отец, дернув длинным носом с красным кончиком, и в его глазах на миг загорелся лукавый огонек, который так обожала Ферро и который, к сожалению, она все реже видела. В стакане было разбавленное вино, сдобренное пряностями и медом. Ферро пригубила немного, отставила стакан - к новому вкусу надо было немного привыкнуть.

Эсферрия быстро уплетала кушанье, не слишком заботясь об этикете, к неудовольствию матери и тихому умилению отца. Что поделать, девочка была на удивление своевольной, как кошка, что гуляет сама по себе, но кошка ухоженная. Нет, она не была невежей или хабалкой - просто считала вычурные и сложные правила аристократов неестественными. Сколько ни силились родители привить дочери манеры, она все так же оставалась этакой домашней разбойницей, хотя с возрастом она и начала понемногу перенимать уклады семьи.

Пока девочка хлебом подбирала остатки соуса с тарелки, Сильвия нарушила молчание:

– По пути в школу не замарай платье. Веди себя прилично, пожалуйста, и делай то, что тебе скажут. И ради нас всех, хотя бы сегодня не цапайся с этим Валери! Не мешало еще Гладстоунам получить Губеров в недоброжелатели.

Ферро опустила глаза:

– Хорошо матушка, я все поняла, – с притворным покорством пробормотала она, хотя внутренне сжалась при упоминании Валери. Иногда единственный способ избежать конфликта - послушаться матери. Ну или сделать вид, что послушалась, – Вести себя скромно, не задирать дурака - Губера, делать что скажут, – видя, что мать слегка смягчилась от покорного тона дочери, Ферро решила попытать счастья, – У меня еще час перед церемонией, можно мне прогуляться? Я так буду меньше волноваться. Пожалуйста-пожалуйста!

Брови Сильвии уже начали хмуриться, но тут неожиданно вмешался Генри:

– Да ладно тебе, Си, пусть пройдет. Не каждый день человек проходит Отбор. Тревожно как-никак. – И он украдкой улыбнулся дочери, а та вернула ему улыбку.

– Так и быть, но не смей опоздать! И ни в коем случае, слышишь, ни за что не ходи к границе с нижним городом. – выдохнула Сильвия, – Стоило вовсе запретить тебе общаться с этими вшивыми болванами, но твой отец считает, что иногда полезно видеть, чего мы избежали. Кстати об отцах и болванах - Генри, ты ведь знаешь, как я не люблю эти просторечные сокращения? Я отдала роду Гладстоунов лучшие свои годы, всю себя посвятила, и считаю, что от законного мужа заслуживаю толики уважения!

– Прости Сильвия. – Отцу часто часто доставалось от законной супруги, когда он пытался смягчить ее нрав, равно как и если говорил что-то, не обдумав минимум трижды.

Ферро мгновенно соскочила со стула:

– Марта, большое спасибо, завтрак был очень вкусным! – Конец фразы домочадцы слышали уже сквозь закрывающуюся дверь.

Разумеется, Ферро отправилась к границе. Ей было это нужно. От дома ее семьи, стоящего возле ратуши, она шла по брусчатке, затем сменившейся гравийными дорожками, которые по мере приближения к палисаду сменились простой плотно утоптанной землей. Здания мало-помалу преобразались от высоких и прочных каменных строений со сверкающей на солнце черепицей до пусть и добротных, но уже не новых деревянных срубов, крытых тесом и дранкой. В отдалении от городской площади широкие мощеные улицы сузились и превратились в грязноватые переулки и тупики.

В голове мушиным роем мелькали мысли, переживания, сомнения. А что, если загорится лиловый кристалл? Или зеленый? Или, упасите все силы Эльтрана, даже серый? Ладно с будущим, но ведь матушка со свету сживет! С другой стороны, с чего бы загореться любому, кроме оранжевого? Она ведь Гладстоун! Четыре поколения резонаторов - Мыслителей, благородных мастеров расчетов и умозаключений, работников пера и весов. И ей, Ферро... нет, Эсферрии, надлежит продолжить славный труд ее рода.

Вот только сидеть за письменным столом сутки напролет, или выслушивать прошения бедняков, или вести скучные колонки цифр счетов в банке - все это не слишком прельщало девушку.

– Эгей, никак сама госпожа Эсферрия Гладстоун! Чего Ваша милость так не в духе? Да от твоего кислого вида у нашей козы молоко бы свернулось! – раздалось вдруг неподалеку.

Знакомый голос вырвал Ферро из пелены нерадостных дум. Девушка подняла глаза и увидела молодого паренька, стоявшего аккурат посередине мостика, прислонившись к перилам. Этот самый мостик стоял над узким каналом, символически разделяющим город на внутренний, где обитали обеспеченные люди, по большей части аристократы-резонаторы на службе у государства, и внешний, где обитали простолюдины и те, кому не повезло родиться с кристальной связью.

Одежду юноши, перелатанную и поношенную, колыхал ветерок, кудри цвета соломы беспорядочной стружкой болтались над густыми бровями, а сам он, ухмыляясь, вальяжно откинулся поясницей на перильца и не сводил взгляда с лица Ферро. Правой рукой он махал в приветственном жесте, левую же отвел за спину, будто держась за перекладину.

– Джуно! – Ферро радостно улыбнулась. Джунас Боулдер - сын мельника и доярки из нижнего города на год старше нее, был знаком девушке лет с пяти и приходился ей лучшим другом. Дружбу эту немало подогревал тот факт, что Ферро запрещали общаться с простолюдинами, а Джунасу - с жителями верхнего города.

– И как же Вас угораздило оказаться в таком месте? Тут ведь скот смердит всюду, и не менее дурно пахнут коровы да куры. Уже ль маменька пустила погулять в наше захолустье?

Ферро хоть и привыкла к его грубоватым шуточкам, но все же немного смутилась:

– Мать не знает, что я здесь. Я отпросилась подышать перед Отбором. Сама ума не приложу, как тут оказалась! – слегка наигранно ответила она.

– Ах, да, Отбор. Я и забыл совсем...

Ферро ступила на мостик, подошла ближе к Джуно и посмотрела на него ехидно прищуренными глазами:

– Да? Значит то, что мы тут встретились, это всего лишь удачное совпадение?

Джуно заколебался, почесал затылок, и Ферро заметила, как его лицо слегка покраснело:

– Ну-у-у... Вообще-то, не совсем. Вернее, совсем не так! На самом деле я пришел пожелать тебе удачи, – юноша виновато улыбнулся. – У нас разные пути: тебе дорога в высший свет, но и я не собираюсь валять дурака! Я обязательно разбогатею и переберусь в верхний город. И предков своих туда же перетащу. И тогда мы сможем обойтись без тайных встреч, да и вообще

сможем видаться – парень немного погрустнел на секунду, но тут его глаза вновь зажглись. – Кстати, гляди-ка чего вытворил!

Парень оттянул ворот рубахи: на груди справа, недалеко от ключицы, угольными чернилами была коряво выбита пятиконечная звезда. Края татуировки покраснели и слегка воспалились, что свидетельствовало о не лучшем уходе:

– Эта звезда - символ моей клятвы, выменял у партачника на пяток яиц. Я обязательно поднимусь в верхний город и стану знатным купцом! Правда, мои старики пока не знают об этой картинке, если увидят - зад надерут!

– Ну ты и дурак, Джуно! Тебе ведь теперь полжизни в рубахе ходить.

И оба они, такие разные, расхохотались его выходке.

– Но на этом приключения Джунаса Боулдера, будущей грозы рынков и валют, не заканчиваются. Вот, это тебе... – И Джуно, вынув руку из-за спины, одним движением вложил в волосы Ферро цветок белой лилии.

– Какая красота! Спасибо, Джуно! Но где ты ее взял? – Наверняка, Джуно украл ее у цветочного магазина или тайком срезал с какой-нибудь клумбы, но Ферро все равно была рада.

Юноша смущенно отвел глаза:

– Да так, выменял на пару гвоздей у знакомого. Так вот, я кое о чем хотел спросить тебя...

Вдруг послышался далекий, тягучий звук колокола, прокатившийся над землей. Глаза Ферро расширились:

– Черт! Опаздываю! Джуно, мне пора. Потом расскажу, как все прошло!

И девушка стремглав рванула навстречу колокольному звону.

Ферро мчалась по улицам, старательно огибая выщербины на брусчатке, срезая путь через дворы, и даже перепрыгнула через одну особо крепко спящую псину. Она уже видела нужное ей здание, однако времени почти не было - человек в серой холщовой робе уже закрывал тяжелые двустворчатые двери. Девушка из последних сил ускорила и, под недовольный окрик служителя, проскочила-таки сквозь медленно сходящиеся створки.

Академия светоча - так официально называлась школа, где проводилась церемония Отбора и обучались дети знатных семей. Здание было старым, еще с тех времен, когда первые кристаллы только начали извлекать из недр. Тяжелые серые стены, узкие окна-бойницы, внушительные дубовые двери с коваными петлями - здание выглядело суровым настолько, насколько были суровы и его служители.

Вбежав в церемониальный зал, Ферро тут же оказалась в толпе подростков и взрослых - наставники Академии и родители, которым не хватило терпения дожидаться своих чад дома. Девушка потерялась в людском потоке, от тесноты и нехватки воздуха после ее забега у нее закружилась голова. Она начала медленно, неверными шагами пробираться сквозь группки собравшихся к стене, но тут кто-то схватил ее за руку.

– Эсферрия, вот ты где! Я уже начала волноваться. Где тебя носило? Церемония уже вот-вот начнется. – Из-за мути в глазах Ферро не сразу узнала Милли Фернбах - невысокую девушку со светлыми волосами, слегка полноватую, с вечными следами чернил на руках. Девушка эта была, по совместительству, одной из немногих, с кем Ферро нашла общий язык в Академии и считала ее в какой-то мере своей подругой.

– Расслабься, Мил, просто нужно было пройтись. Я ведь успела, и почти никто даже ничего не заметил, – пробормотала Ферро, переводя дыхание. Зал уже переставал кружиться и шататься у нее под ногами.

Зазвучали трубы, и люди стали занимать места напротив небольшой сценки, на которой уже возвышался Алтарь Резонанса. Если хорошенько присмотреться, на нем даже можно было заметить несколько разноцветных кристаллов, лежащих в углублениях Алтаря.

На сцену степенно прошагал пожилой мужчина - наставник Криденс, старший и по должности, и по возрасту служитель Академии. Именно он вот уже тридцать пять лет занимает пост главы, и столь же давно он каждый год проводит церемонию Отбора. Он поднял руку, и в зале повисла тишина, изредка прерываемая тихими шепотками.

– Молодые, полные надежд граждане Ордониса! Добро пожаловать на церемонию Отбора. Сегодня, как и множество лет до этого, Великий Резонанс определит ваш путь в нашем славном обществе. Здесь невозможен обман, равно как и кумовство. Все мы равны в суждениях, отраженных гранями кристаллов.

Криденс обвел взглядом собравшихся, придавая паузе драматичность, как самый настоящий проповедник.

– Я буду называть имена по одному. Тот, кто услышит свое имя, подойдет к Алтарю, возложит руку на каждый из кристаллов по очереди и усилием воли постарается зажечь их. Камни укажут ваше место в мире. После названный волен уйти, данные о нем будут занесены в анналы Академии Светоча. Начнем. Первым для прохождения процедуры Отбора приглашается

Люди в зале замерли в благоговении, и Ферро замерла вместе со всеми.

– Эдриан Родас.

Со стула недалеко от сцены поднялся высокий и крепко сбитый светловолосый юноша и уверенно двинулся к алтарю. Ферро знала его, но немного - только то, что его семья - потомственные военные, а с самим Эдрианом и вовсе лишь однажды перекинулась парой фраз. Он

спокойно прошел к мраморному постаменту и остановился, дождался кивка церемониймейстера.

Парень подносил руку ко всем кристаллам по очереди - некоторые лишь слегка подсвечивались изнутри - это было нормально: такое свидетельствовало о незначительных отголосках резонанса; иные кристаллы оставались темны. Зато, когда наследник Родасов поднес руку к синему кристаллу тот ярко вспыхнул и засиял пульсирующими всполохами.

– Синий! Резонанс ясный! – провозгласил церемониймейстер. – Оплот, не ниже третьей ступени.

Среди людей прокатился гул одобрительных голосов и аплодисментов. Юноша слегка улыбнулся и, легко спрыгнув со сцены, занял свое место рядом с отцом. Тот, с мышцами проглядывающими даже сквозь свободное одеяние, горделиво похлопал сына по плечу.

– Далее... – продолжал Криденс, – Самуэль Трент!

Затем было множество других: Даннио Ротт - красный, Саманта Клеверсби - зеленый, Корин Кингфорт - редкий золотой, все разных ступеней, отражающих силу резонанса. Сестры-близнецы Клэй, милейшие создания - обе резонировали с красным, что вызвало немалое удивление у всех, кто был с ними знаком. Кристаллы вспыхивали, гасли, еле моргали - и своим сиянием определяли судьбы людей на годы, десятилетия вперед.

Ферро слушала вполуха, ожидая, когда же придет ее черед. Теперь она была готова и на красный, и даже на зеленый кристалл. Иметь рефлексы лучше, чем у любого зверя, да еще и двигаться быстрее - тоже неплохо, а перспектива тонкого и удивительно точного манипулирования материей обещала спокойную и достойную жизнь, полную разнообразных занятий, от искусства до врачевания. Много хуже будет, если зажжется серый - Покровы, хотя и, без сомнений, незаменимы, не вызывают симпатии у людей, поскольку имеют жуткую силу глушить резонансы других и разрушать материю.

– Эсферрия Гладстоун.

Что-то внутри нее ухнуло вниз. Ферро встала и поплелась к Алтарю на негнущихся ногах. Шаг, еще шаг и еще. Хотя она и сидела недалеко от сцены, путь до нее показался девушке дьявольски длинным.

– Спокойно, я - Эсферрия Гладстоун, и я совершенно точно Мыслитель! Ну, в крайнем случае - Провор или Осязатель... – повторяла про себя Ферро.

Ноги сами подвели ее к чистой белизны мрамору Алтаря. Перед Ферро лежали вытянутые граненые кристаллы всех цветов: золотой, синий, красный, оранжевый, зеленый, серый. Каждый лежал в своем углублении Алтаря.

Ферро протянула было руку к синему камню, но тут же отдернула руку. Поймав неодобрительный взгляд Криденса, она решила оставить синий кристалл на попозже, и на выдохе опустила ладонь на золотой кристалл.

Что ж, как и ожидалось, она не Вождь. Кристалл не издал ни малейшего свечения, ни единой искорки. Боясь потерять настрой, Ферро тут же перенесла руку на серый кристалл и обхватила его пальцами.

– И не Покров! Камень с плеч! – подумала она и почти схватилась за зеленый, мысленно предложив камню загореться.

Тот никак не отреагировал, хотя часто Мыслители имеют небольшой потенциал Осязателей, пусть и ничтожный по сравнению с истинными зелеными резонаторами. Затем красный - с тем же успехом.

– Черт, ну не может же быть такого, чтобы загорелся гадкий синий! – почти взмолилась Ферро мысленно.

Она осторожно коснулась синего камня и подумала: “НЕ ГОРИ!”

И синий кристалл, ответив, видимо, взаимной неприязнью к Ферро, остался таким же тусклым, как и был.

– Ура! Гладстоуны и правда всегда почти идеально чистые Мыслители! – девушка, внутренне ликуюя, протянула руку, и с чувством колоссального облегчения уронила ее на оранжевый кристалл, прикрыв глаза.

Через несколько секунд тишины Ферро приоткрыла один глаз. Ледяной ужас водопадом хлынул на нее, ревя в ушах и выбивая почву из-под ног.

– Резонанс нулевой... Чистый диссонант.

Глава 2

ПРИЗВАНИЕ

В казарме было холодно, но рядовой Янек Трагт почти не замечал ни промерзших сапог, ни мурашек по коже, ни жуткого сквозняка, пробиравшего до костей. Он сидел на кровати, уперев немигающие пустые глаза в стену. Задубевшей левой рукой молодой человек нежно, насколько позволяли ледяные пальцы, перебирал мех на загривке щенка - худого и облезлого, но живого. В просторной комнате, заставленной двухъярусными койками и походными ларями, этот съезжившийся комочек был настоящим чудом, теплым и беззащитным, чего не скажешь об остальных обитателях этого жилища.

Правая его рука, побелевшая от напряжения, сжимала ручку жестяного ведра, до половины наполненного водой.

Щенок ткнулся в ладонь мокрым носом, заворочался во сне, и Янек наконец вышел из оцепенения. Он мысленно бродил по коридорам своих воспоминаний, пытаясь понять - когда его судьба окончательно отвернулась от него? Пошевелив пальцами на ноге, Янек поморщился от боли - так сильно он замерз.

В приюте тоже было холодно. Средств к существованию у детского дома почти не было, и несколько поленьев, принесенных равнодушными людьми, вместе со скудной снедью были настоящим праздником для обитателей.

С малых лет Ян был предоставлен сам себе: в Эльтроне никогда не было мира, и когда родился Янек, не повезло именно его стране, Элади. Родителей он не знал, но нянечка София, добрая женщина, основавшая приют и тянувшая его на себе, сказала, что они погибли во время очередного наступления врага. С тех пор он жил в приюте-интернате Софии, и хотя няня старалась привить всем своим питомцам хорошие манеры, Ян не раз и даже не сто видел холод и голод, жестокость и боль. Со временем Янек понял, что нянечка не справляется с тем, чтобы прокормить все растущую ораву сирот войны, так еще ведь надо было воспитать их, одеть, утешить и обогреть.

Будучи одним из самых старших детей, он решил во что бы то ни стало сохранить свой дом. Ян пользовался уважением среди детей, ведь он был справедлив и добр ко всем одинаково. Однажды юный Трагг собрал детей своего возраста, и они принялись обходить соседние дома в поисках работы. Иногда им отказывали, но, бывало, дети растапливали загоревшие сердца взрослых. Дети стали доставлять письма, стричь траву, ухаживать за скотиной. И всем этим руководил Янек. Он защищал детей от тех, кто смел поднять на них руку, разрешал споры среди обитателей приюта, распределял и вел учет припасов. Приют начал расцветать, а на лицах его обитателей впервые за долгое время появились робкие, но такие счастливые улыбки.

А потом не стало Софии. Горячка за считанные дни сожгла бедную женщину, а он ничего не мог сделать. Так Янек Трагг, сын Софии, стал главой приюта. Не силой, не по наследству или старшинству - его выбрали дети. Янеку было пятнадцать лет.

Потом был Отбор. Янек, ставший к тому времени подмастерьем кузнеца, попал на него случайно. Однажды он отправился просить помощи в ратушу - крыша приюта пришла в негодность, и надвигалась осень, а с ней холодные ветра и ещё более ледяные дожди. Там выяснилось, что информации о Янеке нет ни в одной учётной книге. Его имя записали и обязали пройти церемонию.

На церемонии ярким светом вспыхнул синий кристалл. Ему объяснили, что усилием воли он сможет увеличивать прочность вещей и мощь ударов, и в этом он увидел возможность. Возможность улучшить положение своей пусть не родной, но очень дорогой сердцу семьи. Он принялся копить деньги, рвал жилы, работая ночами, лупил кузнечным молотом что есть мочи, экономил на себе и через несколько месяцев сумел выторговать маленький синий кристалл. На шестнадцатый день рождения мальчишки из приюта подарили Янеку новый молот, а девочки вплели в рукоять кристалл.

Работа спорилась. Юноша отремонтировал приют, денег стало хватать на сносную еду и одежду детям. И будто согласно закону подлости, мирная жизнь его снова была нарушена. Поздней весной, когда посевные работы были закончены, Ян привычно работал в кузне, когда в дверь забарабанили тяжелым кулаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.